

**“Лекция об отцовстве.”
ИХП - 19.06.2015)**

https://youtu.be/fl5NtmBEHa0?si=o_rucWXF-i-G4yon

1:21:26

о. Андрей Лоргус:

[Говорящий 1]

Ну что же, господа, давайте начнём, а то время дорого в надо непростое время. Прошу вас, садитесь, кто может. Вы уже видели, всем, кто ещё не видел.

Мы сегодня представляем эту книгу. Мы это институт христианской психологии и издательство Никея. Издательство, выйдите на сцену.

Для нас это очень значимый рубеж, давно ожидаемый, потому что работа над этой книгой продолжалась больше года. И я сейчас хочу первым делом сказать, зачем она нам понадобилась. Во-первых, достаточно сказать, что Владимир Лучинин, который был инициатором написания этой книги, и я, мы отцы.

И для нас небезразлично, как мы относимся к своей семейной родовой воле. Во-вторых, для меня, как для пастора и психолога, это тоже тема очень близкая и постоянно возникающая в профессиональной деятельности и в служении. Для многих сегодня мужчин это тоже тема очень важная, потому что многие обращаются с вопросами и говорят, ну вот вы, пастры и психологи, поясните, чего мы не знаем, что нам нужно знать, как быть и так далее.

Но главный запрос на эту тему, конечно, приходит от женщин. Потому что одни женщины хотят воспитать настоящих отцов, другие женщины хотят выйти замуж за настоящих отцов, третьи женщины хотят любить своих отцов. Поэтому, конечно, совершенно неудивительно, что в этой аудитории больше женщин, именно для них эта книга и не писалась.

Но здесь все время диалог с женщиной, поэтому это в какой-то степени ответ многим женщинам. И вот мотивация для того, чтобы взяться за эту работу заключалась в том, что очень многих людей были жалобы, я сам их разделяю, о том, что нынче отцам живется плохо, что они бедные,

потеряли свой стержневой смысл своей жизни. И у нас с Владимиром Лучининым была задача, а может, у нас есть что сказать на эту тему, и мы стали с ним рассуждать, дискутировать, и вот так родилась эта небольшая книга.

Кроме того, как вы знаете, издательство Никеи много издает по психологии книг, и еще больше задумало издавать, и целая серия по семейной психологии этим издательством готовится, и мы тоже в этом активно участвуем, и наш институт, и я лично. Поэтому тут есть масса новых изданий, которые к будущим вас ждут. Я думаю, что еще и в нашем институте, и в других местах мы встретимся на тему, что выйдут новые книги.

Все, что я хочу сказать, я приготовил для небольшой лекции, которая наступит чуть позже. А сейчас, может быть, Анна Симкина представит Никею это новое издание. В том числе, может быть, и о чем-то другом.

[Говорящий 3]

Мы очень благодарны всем, кто пришел сегодня, и очень благодарны всем тем, кто возьмет, прочитает и вчитается в эту книгу.

[Говорящий 2]

И что очень важно для нас, вернее, было и есть для нас, что эта книга показывает человека, мужчину-человека-отца таким удивительно непостижимым, возмысленным каким-то образом. И как жаль, что так редко все чувствуют себя, чувствуют это призвание человеческое, какими мы задуманы, какими нас хотел бы видеть Господь. Я говорю так по-простецки, поскольку то, как мы чувствовали эту книгу, то мы работаем над ней.

И задача той серии, о которой немножко отец Андрей сказал, постараться изо всех сил увидеть себя такими, какими мы призваны быть. Каким прекрасным может быть отец, какая невероятно важная и духоносная роль, какая самополагающая, насколько она поддерживающая. О матери, конечно, разговор тоже пойдет, и о детях.

А во всех нас, во всех наших проявлениях, о том, какими, повторюсь, мы задуманы, и как часто, и горько думать об этом, как часто мы забываем об этом. Будем очень благодарны, если ваше внимание в течение следующего года будет обращено на эти книжки, которые мы ровно с этим сердечным посылом хотели бы вам предложить. Спасибо еще раз, просто совсем кратко, отец Андрей сказал о том, как эта книжка была задумана.

Наши, собственно, Владимир Ильич Немец, наш главный редактор, многие наши коллеги, все многодетные отцы, и они, конечно, тоже очень много вложили в эту книгу, в том смысле, что касается каких-то направлений движения мысли, чтобы постараться охватить как можно больше ситуаций, из которых эта книга могла бы нас всех выучить. Вот, еще раз спасибо вам большое, и...

[Говорящий 1]

Будешь, конечно, критиковать.

[Говорящий 2]

Ну, для меня это ужасно важная была работа, редакторская работа. Ну, что я хочу сказать, сейчас модно такое слово «миссия», у всего есть миссия, когда эти главные кампании начинаются, у Соко, у Памперсова, у Шампуни. Вот, у этой книжки есть миссия, ну, как бы без натяжек, такая, по-моему, очень важная миссия, она поворачивает читателя лицом к теме, которая, в общем, совсем не в тренде.

Совершенно непопулярная сейчас тема, но при этом не менее важная, она от этого становится. То есть, тема роли отца в жизни человека, во-первых, в отношении человека с отцом, с другой стороны, становления отцовства в самом человеке. Такая вот книжка, она такая вот двойная, поэтому немножко было сложно придумать сейчас заголовок.

Потому что тут осмысляется и взаимоотношения с отцом, и состояние самого человека, и его становление отцовства. Но интересно то, что по жизни мне регулярно приходится попадать в какие-то дискуссии на тему, зачем вообще нужен отец. Вот материнство пока еще не стоит под вопросом таким совсем, ну, конечно, немножко стоит, но еще, во всяком случае, материнство, его нужности никто не сомневается.

А вот зачем нужен отец, почему-то все время этот вопрос всплывает, он, как правило, ставится людьми, у которых неслаженные отношения с отцом, какие-то есть болезненные проблемы, переживания. Но, тем не менее, я вижу, что этот вопрос уже назрел, и отцовство действительно под вопросом. Я, кстати, сейчас, наверное, пригласила заголовок снять, и отцовство под вопросом.

И, в общем, я очень рада, что вы наконец-то об этом заговорили. Это очень важная тема, потому что отца невозможно отменить, никто не отменял бы всех, почему-то стараются так его забыть. Ну, видимо, потому что это часто болит, и, в общем, не хочется, конечно, болеть.

И я буду очень рада, если кто-то почитает эту книжку. Понятно, что невозможно одной книжкой никого вылечить, что-то изменить в мировоззрении. Но, во всяком случае, развернуть вот в эту сторону, повернуться и подумать об этом, вот если это получится, это будет, конечно, замечательное мечто.

Спасибо. Спасибо.

[Говорящий 1]

Мне трудно сказать, есть ли сейчас тренд на отцовство, но, несомненно, что признаков противоположного сейчас слишком много. А именно, признаков того, что мы живем в культуре, которая в значительной степени феминизирована, то есть в ней мужского слишком мало. В то время как какие-то предыдущие эпохи можно было бы назвать патриархальными.

А вот нынешняя эпоха, она матриархальная. Суждение спорное, потому что феминистки говорят как раз противоположное. Они говорят, мы живем в культуре, в которой засилие патриархальности, засилие мужского, ей не хватает женственности, ей не хватает матримониального.

И это тоже будет верно. Потому что смена культур идет очень недленно, и, конечно же, мы переживаем многие остатки архаичных элементов в нашей культуре. Это же касается и патриархальности, это касается и отцовства в том числе.

У нас очень многие стереотипы, установки, стереотипы отношений, стереотипы воспитания детей, отношений мужчин и женщин сохранились с очень раннего времени. И мы продолжаем их нести к себе, мы их продолжаем транслировать своим детям и внукам. Понимаете, с психологической точки зрения эта трансляция продолжается, вернее для ребенка наступает сразу как он родился, а переосмыслить это он может только когда он вырос.

Стало быть, вот этот латентный период, который мы называем детство, он поглощает готовые, устоявшиеся в языке и культуре формы отношений, в том числе к себе, которые ведут свое начало из глубокой древности. И разумеется, таким образом вся среда культурная, семейно-родовая и социальная культура из глубокой древности несут элементы этой культуры, и мы вырастаем в ней. И, конечно, это культура мужская, патриархальная культура.

Но, с другой стороны, происходит и обратный процесс, а именно процесс феминизации. В чем он заключается? Прежде всего он заключается в том,

что было поставлено первыми феминистками, а скорее, надо говорить, суфражистками в 19 веке, которые выступали, во-первых, за права женщин на работу, на образование и на то, чтобы они участвовали в выборах.

Затем, естественно, стремления за этой борьбы за свои права расширились и продолжаются до сих пор, но помимо стремления расширить свои права, шли параллельно еще другие процессы, которые с точки зрения психологии очень характерны и их важно понимать. Но, прежде всего, на мой взгляд, самый важный процесс, что мы очень часто и мужчины, и женщины современные смотрим на многие процессы глазами женщины. И это не только потому, что нас воспитали матери в одиночку.

Это не только потому, что мы сочувствуем бедным женщинам, сочувствуем их тяжелые доли, разделяем, сострадаем и пытаемся встать на их сторону. Но еще и потому, что сама культура поставила вопрос о сострадании женщины очень давно, уже в XIX веке это было классической темой и для литературы, и для философии, и для политики, и для истории, в том числе и для психологии. И незаметно как, но в постхристианском мире победила точка зрения, что тот, кто слаб, тот, кто находится в состоянии угнетения, нуждается в большем сочувствии, большей помощи.

И так это тянется до сих пор. Например, самая простая вещь, когда рассматривается дело в суде о разделении прав ребенка, то почти все находящиеся в суде и адвокаты обеих сторон, и судья, и помощники судей, и участники невольно склонны принимать сторону женщины. При этом даже не замечая этого, и не отдавая себе отчета о том, но даже не особенно обосновывая почему так, подразумевается, что именно женщин нуждаются в большей защите, в большей заботе государства, в больших льготах, в большем внимании.

Но это не только так в государстве, так же оно и в церкви. Недавно я разговаривал с одним священником на тему как раз отцовства, который мне сказал, ну вот что делать, отцы инфантильны, с кем не поговорю, инфантильный мужчина. И приводит мне несколько примеров, как он разговаривал с женщиной.

Мы попытались реконструировать ситуацию, как же возник этот диалог священника с женщиной-отцом, который не хочет зарабатывать, который не хочет кормить семью, который совсем не страдает своей жене и своим детям. Оказалась очень простая вещь. Кого священник слушает чаще всего?

Тех, кто приходит в храм. А в храм приходит всю женщину. И священник невольно стоит на стороне того, кого он знает, кто часто исповедуется, кто чаще бывает в храме, помогает по храму.

И для священника не вопрос, на чьей стороне он должен стоять. Это самоочевидно. И когда я разговариваю с такими священниками и указываю на эту вещь, они очень удивились и говорят, а разве не так?

То есть здесь нет даже критичности в свой адрес. И я вам должен сказать по собственному опыту, что это почти вездесущая подобная ситуация. И в церкви, и чиновник, и врач, и судья, и адвокат сочувствуют женщине.

Это не личное сочувствие. Это носится в культуре, это носится в нашем общем стереотипном сознании. И это не сочувствие ситуативное, исходящее из данной конкретной ситуации.

Потому что иногда ситуация не требует такого особого отношения. Это сочувствие, которое утвердилось в литературе, в искусстве, в юриспруденции, в социальном положении. Более того, обратите внимание на слова.

Слова выдают наши мотивации. Может быть не знаете, но в церкви есть разные социальные направления работы. И вот есть такая патриаршая комиссия, которую возглавляет известный вам отец Дмитрий Смирнов, которая носит название.

Патриаршая комиссия по вопросам семьи, детства и материнства. И никому в голову не приходит, что это искажение. И в разговорах частных, когда мы с отцом Дмитрием обсуждали, он говорит, конечно, родительство.

Но в документах везде материнство. Материнство, материнство и материнство. Люди так устроены, что то, что чаще повторяют, то и выбирает наше внимание.

То, что выбирает наше внимание, то поселяется в нашем сознании. И на вопрос, а почему не отцовство, как правило, такое недоумение и отношение с вопросом, а что, о чем здесь говорить. Отцовство, ну так это понятно.

Отец кто? Вот он, отец, он осеменитель. А дальше что?

А дальше он добытчик или помощник матери по воспитанию детей. Вот, понимаете, здесь кроется одна очень важная вещь. Многие женщины

обращаются ко мне как к священнику и говорят, что мне сделать, чтобы мой муж больше мне помогал.

И я понимаю прекрасно, почему такой запрос. Потому что трудно, потому что она одинока, потому что она не хочет просить маму или не может просить свекровь и так далее. Я понимаю, почему ей нужна помощь мужа в уходе за ребенком.

Отцовство в том, что отец не помощник матери. У нее есть своя, Богом и природой заданная функция. Функций их много.

И они настолько сложны и трудновыполнимы, что все остальное выходит на второй план. Поскольку я заговорил о такой культурологической подоплеке этого дела, то я должен сказать здесь очень важную вещь, что патриархальность, о которой в книге идет речь, это некая форма культуры, которая опиралась, безусловно, на религию, на религиозный норм. Культура в своей основе имеет опоры мужчинам.

На ней строится семья, на этой опоре. А дальше на этой опоре строятся все семьи, родовые отношения и роли. Можно почупать этот кризис.

Он случается в чем? Во-первых, количество браков резко сокращается во всех странах, где исчезает патриархальность. Во-вторых, все большее количество мужчин и женщин фертильного возраста, то есть те, кто может рожать детей, не вступают в брак.

Вообще. В разных формах, но не вступают в брак. Третье, все больше семей, которые не рожают детей.

Рождаемость убывает, причем не по каким-то медицинским понятиям. Возникли альтернативные формы воспитания. А именно, детские учреждения, которые берут на себя эту семейную функцию.

Либо одинокие родители, либо бабушки и дедушки, либо опекуны, либо приемные семьи. А вот эта воля мужчины в целом, в обществе, в культуре, в религии, в идеологии, которая, по сути дела, исчезает. Она исчезла.

Если так говорить уж более радикально, она исчезла. Мы сегодня в своем отечестве и в отечествах других постхристианских культур можем это наглядно видеть. Что роль мужчины и одна из них, роль отца, практически невыразимы, непрописаны и даже очень часто и непривлекательны совсем.

Особенно для мужчин. Мужчины в церкви выполняют женщины. Они находят в себе там дело.

Мужчины не находят в себе дела. Мужчинам в церкви делать нечего, потому что мы подсвечники, мужчин не умеют. Чистить кадилы не умеют, полы мыть тоже не умеют.

То есть научить-то можно, но это неинтересно. Поэтому из этой формы служения мужчины уходят. А что можно было бы делать мужчине?

Когда церковь мужчину потеряла? Потеряла в древности. Когда исчезли мученики?

Потому что главное мужское дело вообще в мире это свидетельствовать об истине, бороться за нее даже до смерти, защищать ее, проповедовать ее. Всего этого современной церкви не нужно, поэтому и роль мужчины исчезла из церкви, кроме священнослужителя, кроме церковнослужителя, алтарника. Если мужчина рассматривается как источник семени, добытчик или помощник матери, то из такой роли мужчина уходит, потому что это ему скучно, это неинтересно, это не призвание.

И удержать его в этой роли никто не сможет, ни священник, ни закон, ни судья, потому что мужчину лучше будет платить алименты, практика показывает. Но только не оставаться в той ситуации, где его роль размыта. Если мужчина будет реализовывать, исполнять, то такой мужчина будет и строить семью, и для семьи дома, и передавать традицию, и воспитывать внуков и правнуков до четвертого колена столько, сколько ему захочется.

Какова же роль отца? Потому что одна из задач отца, я уже назвал ее, это передача ценностей. Причем это не просто передача, как некоторого листка декларативного, которое надо внушить детям, которое надо донести до детей.

Одна из главных и самых труднейших задач мужчины это передача ценностей жене и детям своим личным образом жизни. Потому что никакая другая форма передачи ценностей не работает. Если мужчина живет, исповедуя ценность правды, честности, и живет этим, и соблюдает это, то в его семье его дети будут продолжать его традицию.

Если он лжет, то и дети будут лгать. Если мужчина ворует, обманывает, подписывает ложные документы, то и дети будут совершать то же самое. Сколько бы он ни говорил о том, что надо подчиняться, слушать закон,

надо быть честным, но то, что он делает в противоречии с тем, что он проповедует.

Для того, чтобы мужчине исполнить роль носителя истины для своей семьи, детей, внуков и правнуков, ему нужно стать исповедником истины. Это самое трудное. Потому что для того, чтобы стать исповедником истины, нужно быть готовым расстаться со всеми своими привилегиями, благами, даже здоровьем жизни.

Но только такой отец может передать детям и внукам эти высочайшие ценности. Хотя на самом деле они достаточно простые. То же самое касается религиозных ценностей.

Если отец не просто религиозен на словах носит крестик и ходит по воскресеньям в храм, если он реализует свою веру в своей жизни и живет согласно вере, хотя бы в основном, понятно, что идеальных отцов не существует. И слава Богу, существуют живые отцы. Если отец живет по-евангельски, то и дети будут жить по-евангельски.

То есть семья воспринимает от отца только тот образ, который реализуется в жизни, который засвидетельствован его жизнью. Не эмоциями. Отец это не тот, кто обращает к детям свою эмоциональность и выражает свою любовь и свое призвание отцовское чувствами и эмоциями.

Это не тот, кто обнимает и целует детей. А это тот, кто ожидает от детей, что они будут поступать согласно смыслу и согласно ценности. Это фигура требовательная.

В то время как мать фигура безоценочная, принимающая без оценок. Потому что у нее другая задача. Задача принять детей такими, какими они есть, независимо, что они сделали, в чем виноваты, в чем нет.

Разбитые носы или где-то у кого-то разбитые окна. Мать все равно будет своего ребенка лечить, кормить, успокаивать, утешать и так далее. А вот отец тот, кто спросит о том, что ты сделал.

Что ты сделал другому, что он преследует тебя и хочет тебя побить или угрожает, что ты сделал. Каков твой поступок, как он сразмерен с теми ценностями, которые мы с тобой в семье вместе исповедуем. Но если сам отец этого не исполняет, то ребенок, если он не маленький, то по крайней мере в подростковом возрасте, скажет ему, а ты сам-то как жил.

Одна из проблем моего поколения заключалась в том, что от нас к родителям был обращен вопрос, как вы могли жить, например, в 30-е и 40-е годы, и вы не видели, что вокруг происходит, как вы могли жить и соглашаться с этим образом жизни. И это с точки зрения нашего поколения был вполне закономерный такой возмущенный вопрос. И только повзрослев, дойдя до того возраста, в котором были тогда наши родители, мы поняли, что такой вопрос нельзя ставить.

На соглашательстве, на отказе от правды и истины. Все можно. Главное, чтобы все было тихо и хорошо, чтобы все было спокойно.

Главное, чтобы не уволились с работы, не выгнали из школы, из университета и так далее. Поэтому и наследниками правды не из чего было взяться. Мы могли быть только наследниками той любви родительской, которая была обращена к нам, но не наследниками смысла, веры, истины и правды.

Этого вы не будете. Новое поколение живет, я надеюсь, в других условиях, и, стало быть, оно будет иным. Это свидетельство об истине.

Свидетельство о тех ценностях, которые он разделяет. Но тут возникает важный вопрос. А он-то их откуда взял?

А он их взял от своего отца. А тот от своего отца. И так далее.

Иными словами, фигура отца – это фигура наследника рода. И не просто наследника, а фигура, которая аккумулирует в себе родовые ценности, традицию и предание семьи, и свидетельствует о них, и передает их детям и внукам. Но для того, чтобы эту роль исполнить, отцу, мужчине, необходимо не только знать о каких ценностях их отцы думали и свидетельствовали, но принимать своих отцов, и принимать те ценности, которые они могли от них взять.

Вы понимаете прекрасно, что я сейчас говорю о том конфликте, который всегда существует – отцы и дети. Но здесь как бы речь немножко о другом. Если отец своего отца не принимает и не принимает его ценности, или не знает об его ценностях, или не уважает, что он может передать детям?

О чем он может свидетельствовать? Ведь если мы согласны с тем, что эти ценности перейдутся из рода в род, то тогда вот это родовое предание является фундаментом, основным. Каждый из нас как личность добавляет сюда еще что-то свое личное, но фундаментом является то, что принято от старших поколений.

Если этого фундамента нет, если я как сын не хочу передавать то, что получил от отца, не принимаю отца, что я оказался в позиции противника, если я отрицаю его значение в своей жизни, его ценности, его принципы, что я могу передать детям? Только вот эту самую богоборческую интенцию. Отцовско-борческую интенцию.

Восстание на отца. Все революции на это настоят. Это вполне понятно.

А вот Ветхого Завета, ведь он совсем не такой, как Новый. Там нет любви такой божественной, там нет такого прощения, милосердия и прочего прочего. Там, наоборот, справедливость, жесткость и даже жестокость.

Весь Ветхий Завет пропитан вот этой семейной родовой силой. И я думаю, что она очень полезна нам, вот эта семейная родовая сила. Особенно прежде всего мужчина.

Мужчина, как отец, тем сильнее и в глазах жены, и всей семьи, и прежде всего детей, если он опирается на свое семейное предание, не на любовь к отцу и матери, а на ценности семейного предания и на Бога. Вот в практике психологической часто приходится сталкиваться в конфликте отцов и детей с одной такой заметной вещью. А именно, когда человек говорит, ну, я люблю своего отца, но я его не уважаю.

Иногда обнаруживается такая вот вещь, что неуважение к отцу проявляется в том, что, с точки зрения человека, отец был самодур, сумасброд, он требовал того, чего никто не исповедовал, того, что не должен. Это все какие-то были его выдумки, это все. Вот он что-то такое себе фантазировал, что-то придумывал, но это все не имело никакого смысла.

И реальность вот такого анализа приводит многих людей к убеждению, что если бы за отцом стоял Бог, то есть за отцом стояла бы вера, то доверие к его словам, его поступкам, к его требованиям и к детям, и к жене, воспринимал бы совершенно иначе. Но и работа с мужчинами тоже показывает ту же самую важную закономерность. Как только мужчина опирается не на свои взгляды личные, которые он выработал в течение жизни, а на что-то большее, что стоит за ним, семейное родовое предание или веру в Бога, тотчас же и отношение к нему в семье меняется.

Стало быть, вот с этой точки зрения функции отца это укорененность семейной родовой традиции, укорененность в вере. Это ресурс, это сила,

это источник того, как мужчина может исполнить свое призвание. Войдет, наверное, следующее.

Отец – это тот, кто призван Богом созидать и хоронить единство семьи. Семья – сама система самосохраняющаяся, очень сильная система. Так она создана природой и Богом.

Ее не нужно дополнительно сохранять. Но, к сожалению, образ нашей жизни, и наш грех, и наши ошибки, и наши поражения ведут к тому, что очень часто семье нужно дополнительные усилия для того, чтобы удержать ее в целостности. Так вот, это функция, несомненно, мужская, отцовская.

Отцовская функция – удержание единства семьи в нескольких поколениях. Это вовсе не значит, что это единство дома, что все должны жить вместе, как жили в деревнях когда-то многопоколенными семьями. Это совсем необязательная форма жизни, о которой часто говорят.

То есть, жизнь в одном доме. Да, дом – это мистическое понятие, экзистенциальное понятие, дом семьи. Но, кроме этого, есть очень важное понятие, на мой взгляд, как раз психологическое – это единство, семейное единство.

Это не означает, что все думают одинаково, все говорят одинаково, и все исполняют постановления старшего мужчины в доме, эдакий такой жесткий патриархат. Нет. Такого быть не может сегодня, и можно об этом спокойно забыть.

Речь идет не об этом. Единство семьи – это единство, прежде всего, единство родства. Опять же, родство понимаемо и широко, потому что есть в наших семьях то, что мы называем по-русски, раньше называл свойство.

Ну, например, муж родной тети. Он же не родственник, он не кровный. Но он становится, благодаря своему браку, становится членом семьи, и как старший поколение носит характер дяди, хотя в церковнославянском языке он по-другому называется, я его сейчас не могу точно вспомнить, но даже для него есть специальное название.

Так вот, единство семьи – это и родство, и свойства, все это вместе. Что это за задача? Зачем нужно это единство семьи?

Так вот, оказывается, чем это единство для каждого члена семьи очевиднее, может быть, даже неосознаваемо очевиднее, тем меньше его экзистенциальная тревога, тем меньше у каждого из членов семьи страх. И

чем больше страхов, тем меньше депрессии и панических атак. Вот многие из вас, наверное, знают, что по прогнозу Всемирной организации здравоохранения самое многочисленное заболевание, которое грозит человечеству в целом, это депрессия.

Так вот, эксперты ВОЗ и Всемирной организации здравоохранения назвали, что ведущими факторами, увеличивающими количество заболеваний и депрессий, отказ от традиционных ценностей и снижение религиозности населения земного шара. Это первые два ведущих фактора. Оба они имеют отношение к сегодняшней теме отцовства, потому что отец и патриархальный уклад семьи принадлежит к тому, что мы называем традиционными ценностями.

Многие думают, что это все выражено в домострой или в Библии. Ничего подобного. В Библии много чего есть, но в семейной психологии библейские авторы не занимались никогда, это точно.

Кроме того, домострой – произведение средневековое, литературное, вовсе не психологическое, уж тем более не каноническое, и рассматривается сегодня уже просто как памятник литературы. Памятник замечательный, очень интересный, красиво написанный, талантливый для своего времени, но сегодня он нам никак не может пригодиться. Уважение, прежде всего со стороны матери и детей, к его роли, к его месту, к его статусу духовного лидера.

А духовный лидер – это тот, как говорит апостол Павел, Христос, который возлюбил свою церковь и отдал свою жизнь за нее. Вот роль духовного лидера – это тот, кто готов отдать свою жизнь за семью. Но не в физическом смысле только, потому что тогда бы это была просто роль защитника.

Она очевидна, что она мужская, в этом сомнения нет. Роль отца очень важна в смысле безопасности семьи и детей, а именно как свидетеля истины, отдать себя за истину ради ценностей семьи. Это может быть одна из самых.

И вот уважение к этой экзистенциальной, культурной, религиозной, духовной роли. Что же такое сохранение целостности семьи? Это и забота о границах, это и забота о том, чтобы иметь авторитет и любовь, чтобы решать конфликты семейные.

Иметь авторитет и любовь, чтобы помогать каждому члену семьи находить то единственное духовное решение его конкретно роли и в целом всей

семьи, иметь любовь и авторитет, чтобы помогать каждому справляться с теми трудностями ценностными, смысловыми, семейно-родовыми профессионалами. Эта роль называется патриарх. Патриарх это старшина, это вождь племени.

Патриарх это не начальник, не директор, но это тот, кто обладает властью. Но это тот, кто за эту власть готов, выражая словами Евангелия, заплатить дорогую цену, то есть быть свидетелем истины, пожертвовать собою, здоровьем, может быть положением, чтобы за свидетельство перед семьей и всеми потомками о том, что он исповедует. И последнее, что я хотел бы сегодня сказать, это об отцовской любви.

Любовь отцовская принципиально другая, она требовательная, и это любовь с самой дальней духовной перспективой. То есть отец любит своих детей, внуков и правнуков в той предельной величине, которую его внуки, дети, правнуки когда-то достигнут, когда-то дойдут, когда-то возвеличатся, когда-то вырастут в ту меру. Отцовская любовь, она на вырост, она на перспективу.

И об этом собственная притча о блудном сыне, которую я предлагаю в книге об этом есть назвать как раз притчей об отцовской любви. Потому что главный пример, который в этой притче можно прочесть, это пример отца, который как бы нам кажется, как бы предвидел, что его сын вернется к нему. Вернется к нему и с покаянием, вернется для того, с точки зрения отца, чтобы получить назад свое сыновнее, царское место.

Вот отцовская роль, это роль вот такого предельного духовного предназначения человека. Отцовская любовь видит это в своих дочерях и сыновьях, внуках, внучках, видит эту предельную величину. И его любовь к этому образу, и поэтому его любовь требовательна, его любовь бескомпромиссна, если материнская безоценочная, а отцовская бескомпромиссна.

Потому что стоит отцу пойти на компромисс с совестью, и тогда он тотчас подает сигнал своему ребенку, или внуку, или правнуку, что эта ценность, можно ей пренебречь. Поэтому для отца это бескомпромиссно, ожидание от ребенка высшего, ожидание от внука высшего того, что ты можешь. Это любовь возможного.

Вот, пожалуй, все, что я приготовил сегодня вам сказать. Может быть, есть у вас еще ко мне вопросы. А кроме Сергея, есть вопросы?

Илья, прошу вас.

[Говорящий 3]

Вышел такой требовательность к себе, к отцу, к мужу, что страшно вообще. Вышел. Я могу вам показать, как это уйти, а надо уже и подавать примеры, и в общем быть.

Возникает некий страх вообще. Мне кажется, может вызвать страх другого у нас, полнометрики. Стоит ли быть, вас я недостойн, и явно, по вашим критериям, явно не соответствует.

[Говорящий 1]

Ну, вот, слава богу, термин «достоинство» и «недостойнство» я сегодня не употреблял. Понимаете, какая штука? Я думаю, что мужчина может себе позволить жить со страхом и трепетом.

И мне кажется, его это немножко даже мотивирует. Да, страшно. Вот не поверю, что вы от этого откажетесь.

[Говорящий 4]

Да, трепетно. Вы предлагаете не бояться.

[Говорящий 1]

Этого слова я тоже не произносил. Юрий. Александр, я все-таки вижу некоторую проблему в том, что вы сказали.

Значит, вы сказали, что с одной стороны, с источником вот этого мужского роли или того, что он должен сделать, да, его предназначения, это родовая традиция, с другой стороны, бог. А если они противоречат? Вот если, там, отец или дед преступник, да, или исповедник боговорческой веры.

Да, вот как, я понимаю, что, ну, вот, противоречия, да, как в этой ситуации, ну, разобраться с этими опорами, да, когда одна из них оказывается такая гниловатая? Ну, я бы не стал использовать такое слово «гниловатая». Ну, «опорченная».

И такого бы не стало. Понимаете, когда мы говорим о восприятии своего отца, ничего подпорченного или гнилого быть не может. По одной простой причине.

Отец меня родил. Каким бы он ни был, он меня родил. И это фундаментальный факт.

Все остальное не идет с ним в сравнение. Мой отец может быть преступником, он может быть душегубом, он может быть, там, алкоголиком, он может быть психически больным, но он мой отец. И у него тоже есть отец.

И у того отца тоже есть отец. Причем не один, а там еще и разветвление родовое. Поэтому если я буду воспринимать свою семью только в лице своего отца, и всего остального видеть не буду, то я себя обкрадываю.

И в этом смысле очень важно видеть всю семью в единстве, в полноте, насколько это возможно. Кроме того, если я убежден в том, что мой отец преступник, и это доказано, и тут как бы нету моего своеволия в этом смысле, то даже и в этом случае я другого способа жизни, кроме как опираться своего отца в том, что во мне отцовское. Это же не все, у меня же есть еще и от деда одного, от деда другого, от матери, от других бабок, у меня много чего есть.

Но то, что во мне отцовского, оно только мое может быть, другого мне не дано, другого отцовского у меня не будет. Поэтому если мой отец преступник, и это доказано, даже если так, но я на него не опираюсь, а отрицаю его для себя, как бы отказываюсь, как бы не признаю он мне не отец, я подобен человеку, который стоит на одной ноге. Ведь с отцом я отрицаю всю ветвь, стоящую за ним, семейно-родовую, и лишаю себя половины источника силы.

Это с одной стороны, с другой стороны, каким бы ни был отец, но его влияние, влияние его рода на моих детей, на моих внуков, все равно есть. Поэтому если я его не признаю и не исповедую его ценностей, я не могу изменить ничего в своем роде. Он уже своим выбором и своими поступками составил это наследие, мы все его наследники, и мы будем нести эту ответственность на себе.

Мы ничего с этим сделать не можем, признаем мы это или не признаем, но это факт. Сегодня психология все-таки с огромным количеством материала по межпоколенным связям видит это отчетливо, как сказываются судьбы в потомках, в следующих поколениях. Этого нельзя просто так отрицать, поэтому каким бы ни был отец, но принятие его это для меня фундамент моей собственной жизни.

И конечно это будет по-разному отзываться в моей жизни, конечно, но от этого не спрячешься. Да, это горько, это может быть трагедия, но это мое наследство.

[Говорящий 2]

Скажите, пожалуйста, если сын остался рано без отца, должен ли он его, может ли эта функция на себя взять дед?

[Говорящий 1]

Функцию отцовства может, конечно, исполнять и дед, и дядя, и какой-то еще мужчина, но, во-первых, тут важно две вещи иметь в виду. Первое, отец все равно есть? Нет, он есть всегда, и пробовать пока у нас еще нет.

Он есть всегда, стало быть, он есть, и никто не может сказать, что у него нет отца. Второе, и эту отцовскую роль никто не может на себя взять полностью, но воспитателем может быть и бабушка, и дядя, и так далее, много мужских ролей. Другое дело, что исполнить ту самую роль, которую мог бы исполнить отец, они полностью не смогут.

Но каким-то образом быть заместителем, воспитателем ребенка, конечно, да.

[Говорящий 2]

А учим?

[Говорящий 1]

И учим тоже, да. Но только очень важно, чтобы никто из них не мнил себя отцом ребенка. Потому что вот эта вот подмена, она не прощается.

Все-таки вот тут очень важно понимать, что есть отец, есть отчим, есть бабушка, у каждого своя роль. И она сказывается в отношениях, ребенок это не может не чувствовать, другая немножко роль. Тут, правда, я должен признаться, в психологии есть разные мнения в этом смысле, и в народе есть разные мнения.

Как вы знаете, есть поговорка, не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал. Кстати говоря, очень важно понять, что есть прямо противоположная поговорка. То есть поговорки есть на каждый случай.

Но и в психологии тоже есть разное мнение по поводу родных, неродных. Я бы только просил и христиан, и психологов не употреблять слово биологический отец, или биологическая мать. Потому что вот это заимствование медицинских терминов, биологических, оно вносит в психологию не неразбериху, а самое главное, вносит туда другой тон, другой климат.

Родной. Не биологический, родной. Я бы таким термином был бы против.

[Говорящий 2]

А если вот такая ситуация, что у вас дети, мама и бабушка, там, не отца, не деда, как цены будут рисовывать? Как, где, какие ценности? И дяди нет.

Ценности же, получается, резко не передается, или как?

[Говорящий 1]

Иногда могут быть. Иногда роль патриарха в семье может выполнять женщина. Бывает.

Но только важно понять, чем женщина должна пожертвовать для этого. Понимаете, она должна перестать быть матерью. Это возможно.

Но только важно понять, что она это уже сознательно исполнила. Потому что роль матери, вот этой безоценочной, любящей, утешающей, успокаивающей, кормящей, заботящейся о ребенке, неважно, что он сделает. А роль отца, роль патриарха, она требовательная, она ценностная.

Там придется чем-то пожертвовать. Да, это возможно, но важно понимать, на какие жертвы идет. И всякий раз, когда мы говорим о занижении семейных ролей, мы должны понимать, что это уже частичная дисфункция семьи, а в дисфункциональной семье что-то всегда выйдет не так.

Просто надо понимать, что не избежать каких-то последствий. Но это уже другая тема. Ведь моя лекция сегодня и книжка задумана, как Ольга Михайловна любит выражаться, сказка про норму.

Поэтому не задавайте слишком много вопросов про то, как не бывает. Пожалуйста, теперь Сергей. Я хотел спросить, вы говорите, что у отца другая любовь, чем у матери, это понятно.

Но дети такую жесткость воспринимают не как любовь, они не чувствуют в этот момент поддержки. Как отцу выражать это так, чтобы дети чувствовали поддержку? Есть дети, которые посильнее, они могут этот напор выдержать, их это мотивирует.

А есть дети, которые послабее, их это наоборот разрушает. Мне ответить на этот вопрос легко с точки зрения современной экспериментальной психологии. Которую я редко привожу в пример.

Но есть исследования современные, правда на девочках. Но они очень хорошо отвечают на наш вопрос. Когда ценностные требования девочки

воспринимали от отца, почти в 80% случаев они воспринимали себя вполне значимыми, вполне уравновешенными и любимыми.

Когда эти ценностные требования они воспринимали от матери, они воспринимали это как отказ от любви. То есть дети, это экспериментально показано, от отца требовательность воспринимают более естественно, а от матери противоестественно. От матери хотят ведь любовь.

А требовательность отца воспринимаются вполне как нормативно. Это недавние эксперименты, это опубликовано в прошлом году, поэтому я могу сослаться. Но это эксперименты.

Я бы лично вам ответил так, что я убежден в одном. Когда дети чувствуют любовь отца, у них нет сомнений в том, что отец не издевается над ними, а говорит о чем-то важном. Они могут сопротивляться, они не могут исполнить его ожидания, требования, им трудно.

Они, может быть, ошибаются, как бы злятся на отца, что он требует от них слишком сложного, трудного. Но тем не менее, они сомневаются в том, что он любит. А вот как раз, если этой любви у отца не хватает, вот тогда дети могут впадать в невротические состояния, потому что требовательность отца без любви может быть уничтожительной и разрушительной.

Ваш вопрос, пожалуйста.

[Говорящий 4]

У меня трое детей, я тоже много слышал. В целом, наверное, я скажу так, что если мужчина будет помогать женщине, то в принципе больше проблем решается сразу. Потому что роль мужчины, который не хочет подолгой чем-то заниматься, они думают только так.

[Говорящий 3]

Я работаю и все остальное должно быть на тебе. Касаясь своего примера, я тоже работал и помогал супруге побыть, все дела бы делать. И у нас было больше в этом плане помощи друг другу, у нас не было таких проблем.

[Говорящий 4]

Дети, да, я тоже по-своему люблю, как вы правильно говорите. Любовь, она должна быть и справедливой, и, наверное, все-таки жесткой, потому что пацаны, они все-таки у меня три парня.

[Говорящий 3]

Поэтому они не должны быть неправильными, что не тот путь пойти. Отец должен что? Он должен настоять на пути, которые не должны быть.

[Говорящий 4]

А путь у нас один, это вера в Бога. Поэтому я посещаю храмы, хожу на службу, стою, и мужчинам тоже этого желаю. Потому что именно вера в Бога, она дает любовь ту, которую он должен приучить своих детей.

[Говорящий 1]

Спасибо.

[Говорящий 2]

А сын, ну в общем, отрицает его ценности, не зная то, что он его принял, уже признал. Есть ли все-таки какой-то способ передать это дальше? Чтобы ему передалось сегодня.

Чтобы что не передалось?

[Говорящий 3]

Сила рода, да, и ценности рядовые, чтобы они не передавались дальше.

[Говорящий 1]

Рядовые ценности, совершать преступление. Чтобы не передавались дальше? Понимаете, преступники, они не рождаются преступниками.

Прошу вас, давайте послушаем. Объясните, я не очень понял вопрос, чтобы передались или не передались. Ценности в работе.

[Говорящий 2]

Ценности, да. Ценности преступника, в общем, не стоит, наверное, передавать своим детям. И когда человек понимает, это сын понимает, что отец жил не так, его ценности ему не подходят.

Хотя он признает уже, да, это мой отец, мне от этого никуда не деться. Есть ли какой-то способ, как не передать это дальше своим детям? Или все-таки неизбежно, или как-то все равно волей не будет передавать?

[Говорящий 1]

Ничего неизбежного нет. Каждый человек отвечает за свои поступки. Каждый отвечает.

Поэтому если мой отец был вор и сидел за это в тюрьме, совершенно не очевидно, что я буду вором. Но ценности, которые я воспринял от отца,

они могут быть очень условными. Да, я понимаю, что воровать плохо, за это посадят в тюрьму.

Но, тем не менее, я могу, например, согласиться с тем, что я, ну вот, как говорил мне один человек, уже давно у меня нет живых, царство ему небесное, он говорит, если я вожу капусту, так что же я себе мешка капусты не возьму? Ну да, один вот там на даче человек, он говорит, ну если у нас на заводе это и краска, и изделие красят, что же я теперь не могу дачу покрасить? Вот, понимаете, как только в ценностях наступает некий компромисс, они размываются.

Это не просто передается, в этом соучаствуют многие. И потом все-таки важно иметь в виду, что ценности отцовские, они складываются поколениями, и если они в поколениях в трех, в двух, в четырех поколениях были нарушены, размыты, они не сразу восстановятся, поэтому требуется тоже еще 2-3 поколения, причем каких новых поколений потребуется, чтобы эти ценности возвысить? Поколения, которые будут стоять насмерть за ценности, и тогда они их передадут.

Нельзя решить проблему в одном поколении, да, один человек может по отношению к себе, но вот семью свою всю переделать, это очень сложно. Но, вообще-то говоря, если говорить о семье в целом, то единственный, кто может в целом повлиять на семью, это отец. В этом его божественная роль.

А как же? Да, конечно, конечно. Кстати говоря, вот, может быть, вы что-то скажете?

Я как-то хочу подсоединиться к вашему вопросу. Мы уже давно сотрудничаем, меня зовут Виктор, моя фамилия Семенов, я сотрудник института христианской психологии. Я работаю в институте христианской психологии.

[Говорящий 4]

И дело в том, что уже в течение нескольких лет мы ведем специальную мастерскую она называется, как она называется, Ольга Михайловна?

[Говорящий 1]

Гено-социодрама. Гено-социодрама, это такое сложное название. Но это мастерская как раз направлена на то, чтобы восстанавливать некоторые роли, которые были утеряны в поколениях.

Потому что, действительно, вот я в своей практике, я психодрама-терапевт, и я в своей практике часто встречаюсь с тем вопросом, который вы задаете.

[Говорящий 4]

Но не только роль преступника, отсутствие отца, потеря отца по какой-либо причине, это отсутствие отца, деда.

[Говорящий 1]

И нам приходится восстанавливать справедливость в ходе психотерапии. То есть восстанавливать некоторую историю рода для того, чтобы найти того первоисточника, который может выступить в этой роли. Потому что наша главная задача это вырасти внутреннего отца.

И это происходит в ходе различных форм работы. В частности, вот с Ольгой Михайловной мы ведем гео-социодраму истории семьи, где у нас есть возможность действительно встречаться с теми героями, патриархами. Патриархами не только в Ветхом Завете, но и патриархами нашего рода.

У нас же тоже есть наши патриархи. Может быть, утеряна эта связь, но эту связь надо восстановить. Может быть, не фактическую, а психологическую связь.

И это возможно. Я думаю, что главное, чем вы можете помочь, это любить своих мужчин. Уважать, любить своих мужчин.

И отцов, в первую очередь. В первую очередь, что женщина может сделать, это восстановить почитание своего отца. Уважение, не любовь, а уважение, почитание, принятие, признание, благодарность.

И только восстановив связь с отцом, она может что-то передать детям и уважать мужа. Женщина, которая не уважает отца, не может наладить уважительных отношений со своим мужчиной. Поэтому первый шаг и для мужчины, и для женщин – восстановление отношений с отцом.

И иногда фактических, иногда психологических отношений, если невозможно фактически их наладить. Нет, умер, где-то далеко живет и так далее. Но это то, чем психологам приходится заниматься в буквальном смысле слова.

И некоторые примеры в этой книжке есть из нашей общей работы в институте с разрешением участников группы, индивидуальной консультации. Я опубликовал некоторые примеры, как раз практически то,

что было в нашей работе. Поэтому, да, иногда приходится начинать с восстановления своего отношения с родным отцом.

[Говорящий 4]

Из вашей лекции я пытаюсь построить образ отца, на котором вы транслируете. У меня возникает образ отца, как отец Даниила Цессой. Это тот отец, о котором вы говорите, он как бы боец был, ему не задело.

Показал пример, наверное, для своей семьи, наверное, частям. И это все-таки пример для какого-то другого человека, но лично для вас. Я хотел бы посмотреть на такого отца, приехать и смотреть.

[Говорящий 1]

Понимаете, какая штука? У нас у каждого есть свой отец. И если мы будем искать идеального отца, некий образ в кино или в литературе, мы что-то свое упустим.

Поэтому первая все-таки задача восстановления отношений к своему родному отцу. Для каждого мужчины есть только один отец на земле и один на небе. Вот это главная задача.

Поэтому я бы не рекомендовал ездить и искать, где бы такого идеального отца найти.

[Говорящий 3]

В церковь сходи и там найдешь его. Пожалуйста. Каким образом в этой схеме соотносится духовный отец?

Скорее, про образ Бога Отца. Если нет отца, то мы начинаем искать других людей. Учителя, родственников, идеальных каких-то персон.

Может быть будем находить его в духовном отце. Как соотносится духовный отец, отношение к нему, к своему отцу?

[Говорящий 1]

Еще раз я повторяюсь. Роль родного отца заменить никто не кем не может. Поэтому и духовный отец не может никому заменить родного отца.

По многим причинам. Но духовный отец, как и учитель, как и врач, как и какой-то дядя или другой член семьи, может стать, если нет родного отца, воспитания ребенка, может стать неким образом мужчины, образом отцовства. Но реальным родным отцом стать не может.

Тут замены быть не может. И важно еще иметь в виду то, что у духовного отца, если речь идет о священнике, духовному руководителю, у него совершенно другая роль. Это не семейно-родовая роль, а это культовая роль.

Она другая, во-первых, он совершитель таинства, во-вторых, он тот, кто принимает исповедь, и тот, кто духовно направляет, у него другая функция. Смешивать ее с отцовской лучше не стоит. А взрослому человеку, вот это я говорил первую половину ответа по поводу ребенка, а вот для взрослого человека вновь, вот так же, как и в ответе Геннадии Петре, сначала восстановление отношений с родным отцом для взрослого человека.

И только потом понятно будет, кем не является духовный отец.

[Говорящий 3]

Да? Такой вопрос. Понятно, идеальная функция отца, да?

И очень правильная, безусловно. Но реальная ситуация такова, что в современном мире зачастую отец, действительно, является вот этим добытчиком, как-то так вынуждают условия, а маме, например, ничего уже не нужно, кроме помощи по хозяйству от отца, но потому что она настолько устает, не знаю. Первая часть моего вопроса, как быть в этом случае?

Второй момент.

[Говорящий 1]

Простите, еще раз, в каком случае быть? Что делать с чем?

[Говорящий 3]

Ну, что с этим делать?

[Говорящий 1]

По отношению к своему отцу?

[Говорящий 3]

Да нет, не к отцу, скорее к...

[Говорящий 1]

К семье.

[Говорящий 3]

К семье, да? Вот такой вопрос. Понял.

И второй момент еще. В нашем государстве на протяжении, в СССР еще даже, на протяжении долгого времени сначала образ, ну, отец выбивался из семьи, да, там, в 20-30-е годы, потом государство пытались сделать отцом и так далее, и так далее. И многие там факторы уже более близко к истории 90-х годов или к тому, что отцы вообще не часто в семьях, да, бывают, то есть не так много, к сожалению, полных семей.

Но даже когда... Вопрос. Да, вопрос.

Но я сейчас к нему добавлю вопрос в том, что и в полных семьях, и не в полных семьях, когда отец стремится воспитывать своих детей, бывает такое, что мамы это делать не позволяют. Ну, причем, говорю, это вроде как в нормальной семье может быть, я вас понимаю, вопрос. Вот и вопрос, что делать тоже в этой ситуации, когда воспитывая ребенка как-то не представляется возможным?

[Говорящий 1]

Это вопрос уже не роли отца, а роли мужа. Тоже очень важный семейно-психологический вопрос, но он упирается в очень важный семейно-родовой такой аспект, который к сегодняшней теме не относится, но и упомянуть его нельзя. Мотивация к вступлению в брак.

Вот здесь все решается. Понимаете? Мы выбираем друг друга.

И если мы выбираем друг друга таким образом, что моя избранница не даст мне воспитывать моих детей, она не будет уважать во мне отцовскую роль, не будет признавать того значения, которое у меня в семье есть, может быть, и мне присуще, и от Бога, и от природы. Это вопрос ко мне. Как получилось так, что я выбрал такую женщину в матери своим детей?

Или как наши отношения с моей любимой женой зашли в такую форму, что женщина препятствует мужчине воспитывать детей? Что произошло с нами? Или что было вначале?

Или что произошло в наших отношениях? То есть это тогда уже не про выполнение своих отцовских функций, а про отношения мужа и жены. И совершенно очевидно, что не разрешив этого главного вопроса, невозможно решить вопросы детско-родительских отношений.

Сначала супружеские, затем детско-родительские. Только в такой последовательности решается вопрос. Но на самом деле тут еще больше

семейно-родовых узлов, потому что здесь возникает вопрос, а как жили родители?

Чью модель я воспроизвожу в своей жизни? И окажется, что в 3-4-м поколении мужчины в моем роду в своей роли почему-либо одну из своих ролей, или одну из функций своей роли не выполняют. Пожалуйста.

[Говорящий 2]

Мужчина, у которого человек есть собственным отцом, живой он или не живой, определяет ту модель личного отношения к Богу, к которому есть у человека. Как вы понимаете, что вы по этому поводу думаете?

[Говорящий 1]

Да, это известный факт, но он взаимный. То есть мы иногда о Боге судим как об отце, и об отце как о Боге. Да, это известно.

Но давайте определим, что все-таки это отношение к Богу как родительской фигуре есть часть инфантильного образа личности. Зрелость человеческая выстраивает противоположные, в чем-то противоположные отношения к роли Бога в моей личной жизни. В этой жизни уже нет родительской фигуры, а есть мои личные отношения с Богом.

Личные отношения, в которых появляется ответственность за свое призвание, за то, что я от Бога получил, и благодарность и любовь за то, что Бог дал. Дал мне как образу и любовью к Богу. И тогда эти отношения переходят из ряда детско-родительских в разряд отношений двух личностей, я и ты, с Богом.

Это не партнерские, но уже не детско-родительские. Так что да, это известный факт, но он все-таки скорее об инфантильной религиозности. Пожалуйста, еще.

[Говорящий 4]

Да? Да это не чудо.

[Говорящий 1]

Это называется психотерапия. Но это шуточный ответ, прошу прощения. Бывает, конечно.

Вы знаете, часто очень говорят, что мой сын, мой муж, мой отец не хочет нести ответственность. А я вам скажу по опыту своему пасторскому, что для мужчины ответственность, это все равно как для гимнаста тренировка. Мужчине приятно нести ответственность.

Семья, где мужчина не несет ответственности, в ней что-то дисфункциональное произошло. Почему эта ответственность, либо мужчина не взял, либо у него она отнята, либо его роль такова, что там ответственности быть не может или нет за что. Это сравнимо, как рассказывала мой терапевт, как все равно двоим один ящик нести неудобно.

Мужчина, он рациональный человек, и если за этот ящик схватилась женщина, он, скорее всего, отпустит, скажет, ну, неси. Ну, неудобно вдвоем. Так что тут вот такая может быть циклономность.

Ну, одна из. Пожалуйста, еще. Ну, есть ли больше вопросов?

А, Сергей, пожалуйста. Отец Андреев, все-таки сказка про норму, как вы сказали, все-таки это фигура идеальная. И понятно, что 20 лет, когда люди женятся, или 25, или даже 30, к сожалению, такой фигуры являться невозможно практически.

К тому же в нашем обществе сейчас понятия ценности вообще отсутствуют. Понятие ценности – это удовольствие. Вопрос, Сергей, пожалуйста, вам.

Да, я вот к нему подвожу. Ценности сейчас люди воспринимают не только, в принципе, из общества. И как, собственно говоря, перейти от ценностей ложных к ценностям истинным?

Это ваш выбор. Какие вы выберете, такие и будут. Ценности – это то, что мы выбираем.

Смыслы – это то, что мы выбираем. Образ жизни – это то, что мы выбираем. Конечно, моя семья на это влияет, конечно, социум, все понятно, да, но, тем не менее, это все-таки мой выбор и стала быть моя ответственность.

Ну, и задав продолжение, где взять силы, чтобы сопротивляться тем ценностям, которые транслируют социум? И вопрос – Господь дал с избытком. Вот этому я свидетель.

У всех с избытком. И психологическая и пастерская моя работа показывает одно и то же. У всех с избытком.

Все тут есть. Обращайтесь. Спасибо.

Спасибо.